

Лучшее лекарство от скуки – авантурные детективы

Татьяны и Анны Поляковых:

Сериал

«Таинственная четверка»

Миссия свыше

Коллекционер пороков и страстей

Знак предсказателя

В самое сердце

Четыре всадника раздора

Тень у порога

Племя Майи

Сериал «Я и Владан Марич»

Найти, влюбиться и отомстить

Жаркое дыхание прошлого

Не вороши осиное гнездо

Сыщик моей мечты

Голос, зовущий в ночи

Когда я вернусь

Свет мой тишина

Три с половиной оборота

Сериал «По имени Тайна»

Две половинки Тайны

Тайна всегда со мной

Ключ к нашей тайне

Тайна против всех

ТАТЬЯНА
И
АННА
ПОЛЯКОВЫ

ТАЙНА ПРОТИВ
ВСЕХ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Редактор серии *Л. Латышова*
Оформление серии *Е. Петровой*

Полякова, Татьяна.

П54 Тайна против всех : [роман] / Татьяна и Анна Поляковы. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-233776-5

В глухом лесу найдена повешенной 18-летняя девушка, и нет никаких улик, указывающих на то, что смерть была насильственной. Но Татьяне Свиридовой — инструктору по физической подготовке, временно исполняющей обязанности ушедшего на больничный следователя, — не дают покоя некоторые неувязки. Например, кто вырезал на дереве стрелу, указывающую вверх, почему джинсы на мертвой абсолютно чистые, несмотря на жидкую грязь под ногами, и каким образом девушка умудрилась без посторонней помощи забраться на дерево, да еще и мастерски закрепить там веревку.

Версия о самоубийстве начинает рушиться, а догадки Свиридовой — подтверждаться, когда в соседнем городе находят еще одну девушку, погибшую при аналогичных обстоятельствах. Совпадает практически все, вплоть до начальной буквы фамилии повешенных. И Татьяна, которую в юности друзья называли Тайной, вынуждена выступить против всех в попытках выйти на след убийцы.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-233776-5

© Татьяна и Анна Поляковы, текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

*Вы эту тайну сохраните, храните золото любви.
А если спросят — повторите слова последние мои.
Молчит заката красота, а в ней золотая тайна та.
Я вам скажу один секрет:*

«Кого люблю, того здесь нет».

Группа «АукцЫон»

Первое, что бросилось мне в глаза, когда я вышла из машины, — небольшие белесые пятна у стволов высоких сосен. Снег в городе давно растаял, а тут, в чаще леса, еще боролся за право на существование в самых тенистых местах.

Весна только вступала в силу. Воздух на опушке был влажным и прохладным, пахло сырой землей, прелыми листьями и первыми побегами травы. Между редкими деревьями пробивалось тусклое солнце, золотыми полосами ложась на мох и прошлогоднюю листву.

Моего начальника, который все еще оставался за рулем, вряд ли привлек пейзаж, потому что из его уст посыпалась нецензурная брань в самой витиеватой форме. Я выждала, когда Геннадий Михайлович выберется из автомобиля, и мы направились к противоположному краю опушки.

Под старой березой, слегка наклонившейся к оврагу, висело тело девушки. Веревка уходила куда-то вверх, теряясь в ветвях. Ноги почти касались земли: кончики кроссовок едва доставали до мягкой грязи, будто в последнюю секунду бедняжка пыталась дотянуться до спасения.

На девушке была светло-серая куртка с капюшоном, из-под которой виднелся толстый свитер. Ткань джинсов свободного кроя, как и ее спутанные темные волосы, мягко колыхалась от дуновения ветра.

— Несчастливая любовь? — покачал головой Геннадий Михайлович, обращаясь к самому высокому мужчине из группы, которая прибыла сюда до нас.

— Криминалисты еще работают, — кивнул тот в сторону березы, где, раскрыв чемоданчики, собирали улики коллеги. — Но пока никакой записки или чего-то подобного мы не обнаружили.

Я оставила мужчин и подошла к трупу.

— День добрый, — поздоровалась я.

Не с мертвецом, конечно, а с парнями, которые, сидя на корточках, брали пробу земли где-то у мощных корней дерева. Они хором меня поприветствовали, и тот, чья лысина сейчас бликовала на солнце, попросил:

— Только ничего не трогай!

— Люди мы ученые, — хмыкнула я. — Перчатки дай.

Он выпрямился и нахмурился:

— Зачем? Мы сами справимся.

— Не сомневаюсь, — лучезарно улыбнулась я в ответ. — Земля влажная, мало ли, поскользнусь, вцеплюсь руками во что-нибудь, испорчу вам всю малину.

— Ты за труп, что ли, хвататься собралась?

— Я и поскользываться не планирую, просто перестраховка, — мило сообщила я.

Лысый вздохнул, достал из открытого чемоданчика пару одноразовых перчаток и протянул мне. Размер был, конечно, слишком большим для меня, но приходилось довольствоваться тем, что есть.

— Ходить-то можно? — на всякий случай осведомилась я.

— Сколько хочешь, мы уже заканчиваем на самом деле, — дружелюбно ответил второй, чем сразу вызвал мое расположение, в отличие от своего напарника.

Я стояла в двух шагах от тела, внимательно оглядывая каждый сантиметр. Весенний ветер задирает полы моего плаща, шевелит ветви, а веревка слегка поскрипывала от его порывов. Она была не серой, не бежевой, а ярко-синей, как будто кто-то специально подбирал цвет. Я подошла ближе: волокна новые, не потертые, никаких следов гнили или старости, явно куплена недавно.

Эксперт, который успел расположить меня к себе, подошел и ткнул в узел:

— Морской, — он вытер лоб тыльной стороной руки в черной латексной перчатке. — Просто так не завяжешь.

— И срез свежий? — аккуратно коснулась я конца болтающейся синей веревки.

— Да, вероятно, сделан перед повешением.

— Или после, — тихо проговорила я. — Чем она могла это сделать?

— Будет ясно позднее, но, вероятнее всего, ножом...

— И где он? — пришлось мне перебить мужчину.

— Точно не у нас, — с вызовом произнес лысый. — Не было тут ничего.

Я не ответила, присела на корточки и внимательно осмотрела штанины девушки. Джинсы были чистыми, что мгновенно породило в моей голове множество вопросов. Посмотрев под ноги, я убедилась, что уже успела испачкать ботинки, хотя от машины прошла от силы метров десять. Если девушка шла по лесу пешком, то не испачкать джинсы у нее не было никаких шансов. Тропа к опушке была в лужах, кое-где еще лежал снег, да даже под ногами трупа была жидкая грязь вперемешку с бурыми листьями.

Я вернулась к Геннадию Михайловичу, который все еще о чем-то разговаривал с долговязым. Судя по улыбкам на их лицах, вряд ли речь шла о страшной находке в лесу.

— Новая сотрудница? — улыбнулся мне мужчина.

— Старая, — скривилась я.

— Татьяна Юрьевна Свиридова, трудится у нас инструктором по физической подготовке, — быстро объяснил начальник.

— Вот как, — вскинул брови наш собеседник. — У вас что же, дефицит кадров, Михалыч, или ты так хорошо провел выходные, что пришлось инструктора за руль сажать?

— Инструктор сама неплохо отдохнула в воскресенье, — подмигнула я. — Кстати, вы не представлялись.

— Игорь Сергеевич, можно просто...

— Игорь Сергеевич, — перебила я. — С кадрами у нас все в полном порядке, просто невинное женское любопытство.

Мужчина свел брови у переносицы и уставился на меня, а в следующую секунду просиял от собственного озарения:

— А-а, труп никогда не видели?

Я лишь снисходительно улыбнулась и поспешила вернуться к березе, предоставив начальству возможность самому объясняться.

Сказать по правде, с кадрами у нас действительно был дефицит. Точнее, если бы сотрудники работали более эффективно, мы бы даже были в профиците. Однако они то ли ленились, то ли попросту не умели должным образом исполнять свои обязанности, к чему я все больше склонялась.

На труп я смотреть уж точно не хотела, тем более что успела их повидать много и разных. Просто Селиванов, лучший наш следователь, соизволил слечь

с простудой. Впрочем, прибегая к терминологии моего нового знакомого, возможно, просто чрезмерно хорошо провел выходные, где чрезмерно — основное слово, ибо меры он не знал ни в чем. Все остальные были либо не в конторе, либо завалены бумажными делами, оттого Геннадий Михайлович и попросил его сопроводить.

Начальство завершило, что кто-то свел счеты с жизнью в лесу, мы отметимся и быстро вернемся каждый к своим делам. Как правило, если Геннадий Михайлович и привлекал меня к такого рода вещам, все расследование в дальнейшем ложилось именно на мои плечи. Вряд ли в этот раз у него был коварный умысел, потому что я услышала прямо над ухом:

— Говорил же, суицид.

Он успел приблизиться к березе вместе с Игорем Сергеевичем.

— Значит, ни документов, ничего, указывающего на личность девушки, не нашли? — обратился мой начальник к долговязому.

— Наушники да телефон, но он полностью разряжен.

Мужчина протянул устройство, предусмотрительно помещенное в специальный пакет.

— Уже что-то.

— Джинсы чистые, — проговорила я, не сводя взгляда со светло-синей ткани.

Геннадий Михайлович сделал шаг назад, наклонился куда-то прямо за моей спиной и вынес вердикт:

— Чистые, не переживай!

— Да не мои, — покачала я головой. — На девочке чистые джинсы.

— Опрятная была, значит. Жаль ее, — вклинился Игорь Сергеевич.

— Настолько, что постирала их тут, у березы прямо перед повешением? — усмехнулась я и бросила криминалистам: — Парни, тазик тут не находили? Или кусочек хозяйственного мыла, может быть?

Геннадий Михайлович вскинул густые брови с проседью.

— Почему тебя это настораживает?

— Если она не умеет летать, то ей явно помогли сюда добраться. Могли и привезти, и принести: девушка хрупкая. Иначе штанины имели бы хоть какие-то следы грязи.

— Игорь Сергеевич, вы ведь судмедэксперт, я правильно понимаю?

Мужчина едва заметно кивнул.

— Про странгуляционную борозду¹ что скажете?

— Одна и косовосходящая, — он вытаращил на меня глаза, должно быть, впечатлившись познаниями в этой области инструктора по физподготовке. — Все указывает на добровольный уход из жизни.

— Давно девушка тут висит?

¹ Странгуляционная борозда — в судебно-медицинской практике след от давления петли на шею.

— Предположу, что около недели, более точный отрезок времени сообщу Геннадию Михайловичу позже.

— Семь дней, — тихо проговорила я, озираясь вокруг и анализируя.

В прошлый понедельник погода заметно улучшилась: воздух прогрелся, а главное, выглянуло солнце и радовало нас ежедневно. Именно за эти семь дней на улице окончательно растаяла снежная каша, серевшая на газонах и в тенистых частях дворов. За городом таяние происходит позже. Не исключено, что неделю назад здесь еще лежал небольшой слой снега.

— Следы какие-то были? — обратилась я к криминалистам.

— Ага, жизнедеятельности кабана, — усмехнулся лысый. — Вон за той сосной. Проводить?

Я решила не обращать внимания на глупую шутку.

— Протектора, подошв, да хоть велосипеда...

— Чисто, — подтвердил мои опасения его более дружелюбный напарник. — Судя по всему, дня три-четыре назад тут еще был наст. Снег стоял, а вместе с ним и все следы.

— Ну вот, — радостно резюмировал Геннадий Михайлович. — Нет следов — нет преступления.

— Ошибаетесь, — не сдавалась я. — Джинсы без следов грязи, морской узел, завязать который вряд ли под силу девушке ее комплекции и возраста. Ей ведь около пятнадцати? — обратилась я к судмедэксперту.

— Я бы сказал семнадцать-девятнадцать.

— Хоть бы восемнадцать уже стукнуло, — потер виски мой начальник. — Если несовершеннолетняя, то, как ни крути, уголовщина.

Парни принялись снимать труп с березы. Я предпочла отвести взгляд, а Геннадий Михайлович решил вернуться к моим наблюдениям.

— В интернете полно роликов, как завязывать и узлы, и галстуки.

— Ну а сама веревка со свежим срезом? Чем девушка могла это сделать?

— Могла и заранее принести, обрезав дома, раз готовилась.

— В квартире логичнее использовать для этого ножницы.

— Может, не нашла, — осторожно высказался Геннадий Михайлович.

Очередного расследования ему очень хотелось избежать, это я понимала, как и то, что все не так очевидно, как может показаться. Я медленно обходила вокруг березы, когда заметила на стволе небольшую стрелу, вырезанную в коре ножом. Острие было направлено вверх.

— А это что? — провела я по задранному краю древесины пальцем, благо перчатки все еще были на мне.

— Дети в казаки-разбойники играли, наверное, — предположил Игорь Сергеевич.

— В лесу? — удивилась я.

— Ну тут не так далеко до города.

— Ага, километров десять. Если это так, не исключено, что впору и детишек поискать. Кстати, остальные деревья осмотрели? Есть там что-то похожее?

Мужчины переглянулись, а я, тяжело вздохнув, сделала шаг в сторону ближайшей березы. Геннадий Михайлович последовал моему примеру, держась чуть в стороне и обходя вокруг каждое встречающееся ему на пути дерево. Делал он это молча, я тоже не заговаривала с начальством, боясь нарваться на активное неодобрение своей позиции.

Минут через тридцать, когда Геннадий Михайлович принялся согревать дыханием руки, я поняла, что следует закругляться. Ни одного похожего знака нигде поблизости мы не нашли. Я обратилась к парням:

— Можно будет установить, кору и веревку резали одним и тем же ножом или разными?

— Попробуем, — отозвался лысый.

— Доложите, — коротко кивнул начальник, и мы простились с мужчинами.

Пока возвращались к машине, я изо всех сил сдерживалась, чтобы не накинуться на Геннадия Михайловича со своими умозаключениями, коих у меня накопилось немало.

Как только автомобиль двинулся с места, я пристегнула ремень и быстро заговорила, стараясь ничего не упустить:

— Никакая это не суицидница! Подростки, добровольно уходящие из жизни, делают это чаще

всего назло кому-то или чтобы что-то доказать. Где записка с высказанными обидами, сожалениями, упреками?

— погоди, — снисходительно ответил Геннадий Михайлович. — Установим личность, а там и прощальное письмо найдется. На компьютере или в телефоне, как там сейчас у молодежи принято.

— Что у подростков точно не заведено, так это чрезмерная педантичность, позволяющая передвигаться как по волшебству, минуя грязь.

— Ты ведь сама слышала: криминалист сказал, что на момент смерти в лесу еще оставался снег.

— Джинсы длинные, — не сдавалась я. — После высыхания остались бы разводы, а они будто только из химчистки. Петля опять же...

— Ох, Татьяна, — пригладил седые волосы начальник и замолчал.

— Жалеете, что взяли меня с собой и теперь вряд ли удастся остановиться на версии самоубийства?

— Жалею, что ты, со своим юридическим образованием, невероятной наблюдательностью и прекрасной логикой, проводишь время в спортивном зале среди наших потных оболтусов.

— Они вроде не жалуются.

— Пусть только посмеют, — хохотнул Геннадий Михайлович.

— Ну, против небольшого перерыва они точно возражать не будут.

Начальство едва повернуло голову в мою сторону.